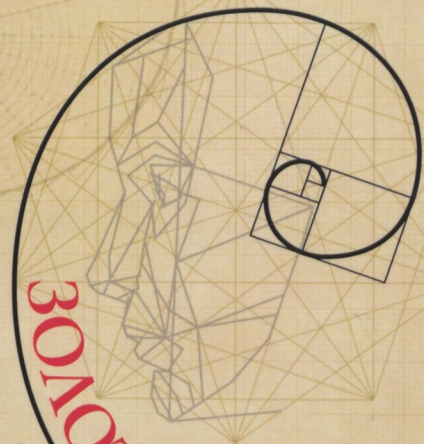

83.3(2=411.2)-8

0-74

СА-387538

Юрий Осипов

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

СИЛУЭТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФЛИНТА

Юрий Осипов

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

Силуэты отечественной литературы

4-е издание, стереотипное

✓
Москва

Издательство «ФЛИНТА»

2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ca-384538

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Портфель Гоголя	6
Сердца трех (Василий Жуковский и сестры Протасовы)	20
Большое путешествие Ивана Гончарова	32
«Самый русский писатель» (Николай Лесков)	47
Последний приезд (Толстой в Москве)	63
Тихие песни Иннокентия Анненского	75
«Пленник культуры» (Дмитрий Мережковский)	87
Одиночество и свобода Владимира Набокова	116
Искушение Михаила Булгакова	142
«Божья дудка» — Сергей Есенин	169
«Быть вместе и уцелеть» (Нина Берберова и Владислав Ходасевич. Две жизни — одна любовь)	186
«Всех живущих прижизненный друг» (Осип Мандельштам)	200
«Полета вольное упорство» (Борис Пастернак)	228
«Первобытный» Платонов	245
«Таивший в себе миры» (Валентин Катаев)	258
«Гонимый баловень судьбы» (Константин Симонов)	273
«Дворянин с арбатского двора» (Булат Окуджава)	288
Александр Фадеев: «Не вижу возможности дальше жить» (Судьба комиссара)	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская литература в послепушкинский период совершила за какие-нибудь три четверти XIX столетия феноменальный рывок, догнав ведущие европейские литературы, которые развивались и совершенствовались веками. Давление цензуры не помешало появлению в столь короткий срок поразительно разнообразных шедевров отечественной прозы и поэзии. Увы, зачастую жизнь их творцов тоже оказалась коротка. И во многом трагична.

А рядом с ними мы видим прозаиков и поэтов так называемого «второго ряда», без которых не было бы «первых» и которые сами по себе замечательны, уникальны. Так, Жуковский по своему «подготовил» Пушкина, а Лесков — Достоевского. И. Анненский открыл дорогу А. Блоку и другим символистам. Мережковский (как и А. Белый) предвосхитил европейский «экспериментальный» роман в творчестве Т. Манна, Г. Гессе, Дж. Джойса.

Со смертью Чехова в 1904 году и Льва Толстого в 1910-м «золотое сечение» отечественной литературы классического периода не померкло. Первым русским писателем, удостоенным уже во Франции Нобелевской премии, стал Бунин, подобно многим талантливым собратьям по перу, покинувший после Октябрьской революции Россию.

Распавшись на две ветви, советскую и эмигрантскую, наша литература дала в первой половине минувшего столетия таких вершинных прозаиков общемирового масштаба, как Платонов, Булгаков, Набоков. А также непревзойденных, но трудно переводимых поэтов — Мандельштама и Пастернака. Этим корифеям сопутствовали, их оттеняли, им корреспондировали в литературном процессе яркие и оригинальные мастера слова В. Ходасевич и Н. Берберова.

Во время недолгой хрущевской «оттепели» все они вернулись своими произведениями на Родину и были заново восприняты легендарными «шестидесятниками» — В. Аксеновым, А. Гладиным, Б. Окуджавой, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским, Е. Евтушенко и Р. Рождественским. Дорогу в литературу им открыл

тогдашний главный редактор журнала «Юность», ученик Бунина, В. Катаев, блестяще продолживший к концу жизни циклом новаторских повестей стилистические достижения предшественников.

Некоторые из писательской плеяды «шестидесятников» сегодня уже морально устарели, другие, и в первую очередь, триединый поэт-бард-прозаик Окуджава, по-прежнему служат вдохновляющим примером мастерства, «золотым сечением» для современной российской литературы, залогом ее нынешних и будущих свершений. Сегодня эти свершения, и немалые, происходят, главным образом, в прозе. Но черед поэзии непременно настанет, а значит, нас ждут новые читательские радости, новые открытия и новые плодотворные обращения к нашему живому литературному наследию.

Юрий Осипов

ПОРТФЕЛЬ ГОГОЛЯ

...Всю дорогу от Петербурга се-
ялся мелкий, наводящий тоску
дождь. Не по-июньски холодный ве-
тер гнал впереди возка низкие хво-
статые тучи. Гоголь кутался в ши-
нель, заворачивал ноги полостью,
однако ничто не помогало.

Проклиная погоду, грязь и плу-
товство станционных смотрителей,
добрался он наконец до Тверской
заставы. Свежий номер «Москов-
ских ведомостей» сообщал, что
дворцовая контора продает на Пре-

сенских прудах «карасей отборных». Рядом шли объявления о
продаже турецких шалей, караковых жеребцов, «годных для го-
спод офицеров». И какая-то безутешная коллежская ассесорша
истошно зывала: «Умершего мужа моего дворовый человек Алек-
сей Журилко, 28 лет, росту..., белокур, глаза серые... бежал».

Гоголь читал и усмехался. Это были прямо-таки его герои за-
трапезного дня скудеющей «столицы» древней летом 1832 года,
когда писатель впервые приехал сюда. Он вез в Москву потертый
кожаный портфель с золоченным замочком, в котором лежали
начальные наброски второго тома «Мертвых душ». Она уже вы-
зревала в его мятущейся душе, эта книга, наполненная разящим
смехом, от которого почему-то щемит сердце... И давний замысел
комедии, так понравившийся Пушкину, постепенно обретал ясные
очертания. Даже название придумалось — «Владимир третьей

степени». Вот, правда, цензура... Комедия ведь про высшее чиновничество, да про орден, дающий дворянство.

В Москве же нужные люди — добрейший собрат по перу Сергей Тимофеевич Аксаков, заодно служивший в цензурном ведомстве. Директор управления московских театров, знаменитый исторический романист Загоскин. Вездесущий архивист, историк, издатель и литератор, с которым считаются в верхах, Михайла Петрович Погодин. Ну и конечно гордость российской сцены, способный заступиться за друга-драматурга, Щепкин.

Заканчивался принесший ему славу петербургский период жизни Гоголя, дальнейшие планы писателя были связаны с Первopестольной, которую он всегда называл своею родиной. Там начиналась университетская деятельность Гоголя на кафедре всеобщей истории. Там он неизменно находил бескорыстную помощь и поддержку. Оттуда пошла его литературная известность.

* * *

Едва заслышав от заставы мерный перезвон «сорока-сороков», Николай Васильевич востропел и, невзирая на начинающуюся простуду, велел проехать через Красную площадь. Только поклонившись кремлевским соборам и окинув взором пеструю уличную толчею, он направился в любимую пушкинскую гостиницу — в дом Обера на Тверской.

Первой его заботой было проверить портфель с рукописями, в другом хранилось скудное белье. Истинный поэт вещей, погружавший читателя в вакханалию быта, Гоголь, будучи бездомным скитальцем «все свое носил с собой». Собственно, и носить-то было особенно нечего. В молодости он питал простительную слабость к дорогим красивым безделушкам — затейливым вазочкам, брелокам, ярким шейным платкам. С годами, в особенности после знакомства в Италии с аскетом и подвижником кисти Александром Ивановым, строго ограничил себя во внешнем комфорте, и лишь тонкая золотая цепочка часов поверх темного бархатного жилета оставалась как бы стыдливой данью былым увлечениям.

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИВАНА ГОНЧАРОВА

Иван Александрович Гончаров был человеком спокойным и оседлым. После окончания Московского университета подался из родного Симбирска в Петербург и устроился переводчиком иностранной документации в департамент внешней торговли министерства финансов. Не слишком обременительная служба оставляла время для литературных занятий и чтения. Весной

1847 года на страницах некрасовского «Современника» появился роман «Обыкновенная история», сразу сделавший имя Гончарова известным. Он обзавелся домом, уютным брюшком и пышными бакенбардами. Впереди маячили уже контуры великого романа «Обломов».

И вдруг словно какая-то неведомая сила потянула с насиженного места степенного 35-летнего писателя, и по рекам-то никогда не плававшего, в кругосветку, почти на два с половиной года.

В середине XIX века началось ожесточенное соперничество между Российской империей и Соединенными Штатами Америки (они тогда назывались Северо-Американскими Соединенными Штатами) за сферы влияния в тихоокеанском регионе. Главным яблоком раздора двух могущественных держав оказалась Япония, которая вот уже более двух веков была полностью закрыта для

иностранцев. Их появление на японской земле каралось смертью. Небольшое исключение еще в 1641 году сделали только для китайских и голландских судов, им разрешалось заходить с торговыми целями в порт Нагасаки.

Понятно, что и России, и Америке очень хотелось заполнить Страну восходящего солнца в качестве рынка сбыта своих товаров. Поэтому обе державы отправили к Японским островам военно-морские эскадры, чтобы убедить или заставить японское правительство открыть страну для захода русских, либо американских торговых судов. Эскадрой США командовал коммодор Мэтью Перри. Российская экспедиция под командованием вице-адмирала Ефима Путятина была снаряжена не только ради установления торговых и политических отношений с Японией, но также для инспекции русских владений в Северной Америке — Аляске.

Обе миссии увенчались успехом. Япония подписала с Соединенными Штатами (1854) и с Россией (1855) торговые договоры. Достигнуто это было, однако, совершенно разными средствами. Перри со своей эскадрой просто-напросто запугал японцев, угрожая в случае отказа расстрелять из корабельной артиллерии их древнюю столицу Киото (Токио). Путятин, прибыв в Нагасаки, никаких угроз не высказывал и провел успешные мирные переговоры, результат которых был спустя два года закреплён в торговом договоре между нашими странами.

За год до отплытия русской эскадры Иван Александрович стал усиленно хлопотать о включении его в состав экспедиции. И добился своего. Его назначили секретарем экспедиции. Перед его отъездом петербургские знакомые писателя шутили: «Принц де Лень отправляется в плавание». Гончаров не скрывал обломовских черт своего характера. И все же 7 октября 1852 года он отплыл из Кронштадта на борту быстроходного трехмачтового парусника «Паллада» (по-гречески «Победа»). Команда фрегата насчитывала 485 человек, а командовал им один из лучших капитанов российского парусного флота Иван Семенович Унковский.

«БОЖЬЯ ДУДКА» — СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Не найдется, пожалуй, в послереволюционной российской поэзии фигуры более яркой, знаменитой и более трагичной, нежели Сергей Есенин.

Крестьянский сын, он заслужил своими стихами любовь народа и его вождей, дружбу палачей и их жертв. Женщины буквально вешались ему на шею, а он топил любовь в кабацком угаре, оставляя за собой вереницу брошенных с детьми жен. Он прожил мало, но успел много. И ушел из жизни темно, страшно и одиноко, породив разные

версии собственной смерти. Он рано заставил говорить о себе и до последнего сохранил всю мощь своего удивительного дарования.

Его стремительный жизненный путь начинался в «стране березового ситца», на Рязанщине, в селе Константинове. «Последний поэт деревни», как назвал себя в одном стихотворении Есенин, с настоящей деревней был связан мало и недолго. Но подчас проявлявшиеся в нем тяжелые патриархальные нравы сельской родни не заслонили ему ни истинной красоты старинных деревенских обрядов, ни прелести окружавшей его с малолетства природы. Это в Есенине было настоящее, на этом он стоял. И это, в конечном счете, питало его поэзию. Пусть даже тяжкая земледельческая страда миновала есенинское восприятие мира.

Дед поэта по матери, Федор Андреевич Титов, едва владел грамотой, но отличался большой колоритностью и своеобразием. Ве-

сельный в пиру, жестокий в гневе, он гонял баржи с разными грузами в Петербург. Удача, по словам сестры Есенина, ходила за ним следом. Упорное желание во всем быть первым дед заронил и в душу любимого внучонка Сергуньки. Вот в его-то доме и прошли первые детские годы Есенина.

Отец поэта на традиционного крестьянина тоже был мало похож. Мальчиком пел в церковном хоре, обладал прекрасным дискантом. Поехал в Москву начинать самостоятельную жизнь в мясной лавке. На фотографии у него тонкие породистые черты лица, печальные умные глаза. Дар сына углядел одним из первых, говорил, что он «не такой, как мы», и назвал Сергея «слитком таланта». Тот, враждуя с отцом, признает в Автобиографии 1916 года: «К стихам расположили песни, которые я слышал кругом себя, а отец мой даже слагал их».

Первая деревенская красавица, своенравная Татьяна Титова вышла за тихого, мечтательного и скромного Александра Есенина исключительно по воле отца, загонявшего ее под венец кнутом и плетью. Об этом рассказывала жена второго сына Татьяны, прижитого матерью Есенина, когда она разводилась с его отцом и временно уходила из дома. Здесь — истоки острой детской драмы Сергуньки, оставшегося сиротой при живых родителях.

Он был третьим ребенком в семье, родившись 3 октября (21 сентября) 1895 года. Вражда Татьяны со свекровью и неприязнь ее к нелюбимому мужу нарастали, и в конце концов она с трехлетним сыном на руках окончательно ушла из есенинского дома к своим родителям. Но и в доме деда с бабушкой жизнь маленького Сергея складывалась непросто. К тому времени Федор Андреевич разорился, и, взяв внука на воспитание, дочь послал в Рязань зарабатывать на жизнь. Другая бабушка Сережи, в отличие от певуни Аграфены, была женщиной кроткой и набожной. В памяти поэта сохранились часто собиравшиеся в ее доме странники, слепцы, убогие, которые пели духовные стихи о Голубиной книге, о райском вертограде, о крестьянском заступнике Миколке...

Хрупкого золотоголового мальчугана, видя, что он «слаб и тщедушен», бабушка Аграфена старалась «всячески уберечь», а

дед Федор, напротив, «закалить». Сверстник Есенина свидетельствовал: «Был горяч... все время драки затевал, ему же поэтому больше всех и доставалось». Так происходило с ним и в годы славы. Рос он, однако, не скандалистом и хулиганом, каким потом хотел казаться, а скорее мечтателем. Мечтал о любви, дружбе, о тайне. Эта скрытая мечтательность часто оборачивалась во взрослой жизни осознанием своего изгойства, что толкало на еще больший эпатаж. И так до самого предсмертного часа и почти последних строк:

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле...

Ключ к пониманию личности Есенина в том, что еще в детстве и отрочестве ему хотелось быть гораздо отчаяннее и бесстрашнее, чем он был на самом деле. А жестокие нравы революционной эпохи побуждали делать ставку на «хулиганство», «бесшабашность», «разбойность», вступавшие в противоречие с его тонкой поэтической натурой.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

В стихотворении 1915 года уже отразилась вся противоречивость Есенина как поэта и человека. Но пока, после вынужденного возвращения матери к отцу, Сергей учится в земском четырехгодичном училище и ведет, по его собственным словам, довольно легкую и беззаботную жизнь. Учился он хорошо, учителя даже поручали ему проверять уроки лодырей, которых оставляли без обеда готовить несделанные домашние задания. Это не прибавляло ему симпатий одноклассников и служило причиной частых ссор и драк с ними. Не пользовались в классе популярностью и его способности к стихосложению, а постоян-